

Алиция Орланд

Две усадьбы
и одна попаданка

Лилия Орланд

Две усадьбы и одна попаданка

<https://litres.ru/74330913>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я – современная девушка в теле юной барышни XIX века. Все рады, что Софья очнулась после падения с лошади, а я боюсь выдать себя.

Но главная опасность – он. Мрачный сосед из усадьбы за озером. Говорят, он скрывает тёмное прошлое. Говорят, к нему лучше не подходить.

Но почему тогда его взгляд заставляет меня забыть о желании вернуться домой?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	42
Глава 6	56
Глава 7	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Лилия Орланд

Две усадьбы и одна попаданка

Глава 1

– Барышня проснулася! Проснулася барышня! – голоса двоились, продолжаясь гулом в голове.

В глазах плясали размытые фигуры, окружённые светящимися линиями. Будто солнечные зайчики. Я пару раз моргнула, чтобы зрение прояснилось, но ничего не вышло. Фигуры исчезли.

К тому же вместо палаты интенсивной терапии, где я должна была очнуться после операции, мне мерещилась незнакомая комната. Причём, старинная. Я такой никогда не видела, разве что мельком в историческом фильме, который сразу же и переключала, потому что любила детективы с бовиками.

А тут покрывало с вышитыми цветочками, занавески с оборками лентами завязаны, скатерть с кистями до пола. На ножках стульев – звериные морды, зеркало в тяжёлой раме. В общем, больше похоже на музей, чем на жилую комнату. Только одно здесь не вписывалось в экспозицию – я.

По неизвестной мне причине я лежала на высокой кровати под тем самым вышитым покрывалом.

О голосах вспомнила, лишь когда они снова зазвучали. Уже за дверью. Тот, высокий женский, что кричал про бабыню, и второй – пониже, похожий на мужской. Слов я не разобрала, но говорили взволнованно.

Может, это музейные смотрители? Возмущаются, что я забралась на экспонат.

Дверь, скрипнув, приоткрылась, и я напряглась. Как объяснить своё пробуждение под покрывалом с цветочками, не имела понятия. Однако нужно что-то срочно придумать, не хватало ещё, чтобы полицию вызвали.

В комнату заглянул седовласый мужчина с округлым лицом и добрыми глазами. Увидев, что я на него смотрю, он зашёл внутрь.

– Софьюшка, доченька, живая, – лицо мужчины искривилось, словно он собирался заплакать.

Я заметила, что незнакомец одет тоже по-старинному, под стать комнате. Светлый камзол или сюртук (признаюсь, не сильна в исторической моде), жилет в тон на больших круглых пуговицах. У рубашки смешной воротник, и рукава расклешённые достают до середины пальцев. Ещё и штанишки короткие, чуть ниже колена, а из-под них чулки торчат белые.

Как он в такой одежде что-то делает?

Хотя если это сотрудник музея, его работа – развлекать

посетителей. Когда домой идёт, в нормальное переодевается. Да и на голове у него наверняка парик, а бакенбарды с усами – приклеенные.

– Софьюшка, скажи хоть словечко отцу своему, – умолял актёр, – уж полгода голосочка твоего не слышал.

Похоже, это какая-то театральная постановка. И я в главной роли. А может, это сон? Говорят, некоторым под наркозом снится всякое.

Это было самое логичное объяснение, которое разом объясняло все нелогичности. И раз это сон, можно не бояться полиции и смело подыграть актёру.

Только что ему сказать? Я разомкнула губы и поняла, что они пересохли.

– Пить, – попросила я.

Если б не сама произнесла, ни за что не сумела бы разобрать это слово. Потому что изо рта у меня вырвался звук, похожий на хриплое воронье карканье. Пить и правда хотелось ужасно. Так, словно бы полгода во рту ни капли воды не было.

– Феклуша! Неси воды! Да не холодной! – закричал актёр, а сам присел на край постели.

При этом смотрел на меня так, будто и правда дочь его родная, которую шесть месяцев не видел. Вот умеют же некоторые играть настолько правдоподобно. А я вообще лишена актёрского таланта. По моему лицу сразу всё понятно, даже если не особо желаю делиться эмоциями.

В комнату забежала остроногая девушка с длинной косой и большими, широко распахнутыми глазами, из-за чего у неё было наивное, даже слегка глуповатое выражение лица. Одежда тоже под старину – длинный сарафан поверх рубахи. Ткани в натуральных цветах, и вышивка чудесная – красные петухи или собаки, я сходу не разобрала.

Феклуша принесла деревянный ковш, наполненный водой. Протянула мне.

– Дура ты, Фёкла, – осадил её мужчина, которого мысленно я начала называть «папенькой», ну как он меня доченькой, – ты чего барышне в лицо ковшиком суёшь? Не себе, чай!

– Ой, простите, Осип Янрич, не сообразила маленько, больно торопилась, сейчас чашечку барышнину принесу.

Бухнула на столик ковш, так, что брызнуло в разные стороны. И умчалась.

– Вот егоза бестолковая, – вздохнул папенька.

– Ничего, я из ковшика попою, – просипела с трудом. Близость воды сделала жажду невыносимой.

– Как скажешь, Софьюшка, – папенька засуетился. – Вот, на, попей, голубушка.

Поднёс воду почти к самому лицу, мне оставалось только приподняться и протянуть руку. Однако я не смогла этого сделать. Ни руки, ни ноги, ни всё остальное у меня не шевелилось. Я что, парализована?

От страха задышала часто, захныкала.

– Что такое, Софьюшка, где болит? – забеспокоился Осип Янрич. Кажется, так его называла девушка? Какое странное имя.

В комнату влетела Фёкла с изящной чашечкой.

– Вот, барин, – она улыбнулась, не подозревая, что ситуация снова переменилась.

– Феклушка, бестолочь, куда ты суёшь свою чашку! – отмахнулся папенька. – За лекарем послали?

– Ой, не знаю, Осип Январиц, – большие глаза распахнулись ещё шире.

– Так что ж ты стоишь тут, дурында? Иди да узнай, а то и отправь Антипку. Скажи, барин велел воронка седлать, да пускай мчится во весь опор.

Феклуша быстро присела и снова убежала, топая пятками по доскам пола.

– Ничего, Софьюшка, сейчас Михайло Кузьмич приедет, поможет тебе. На, попей пока.

Осип Январиц (как Фёкла в этот раз произнесла его имя) зачерпнул чашечкой воды и, приподняв мне голову, поднёс к самым губам. Я сделала глоток, другой и закашлялась.

– Ну всё-всё, – папенька отпустил мою голову, и она бес- сильно упала обратно на подушку.

Я закрыла глаза, пытаюсь справиться со страхом. Неужели меня парализовало после операции?

Или ещё хуже – я впала в кому. Потому и проснулась в старинной комнате среди странно одетых незнакомцев.

До приезда доктора папенька сидел со мной, гладил по руке, убеждал, что всё будет хорошо. А потом уснул в кресле.

Сейчас бы потихоньку убраться отсюда, но тело мне по-прежнему не принадлежало. Только глаза двигались, и я снова и снова обегала взглядом комнату, рассмотрев все детали, доступные из моего положения.

Доктор приехал часа через два. Я успела вдоволь напаниковать, а папенька – выспаться.

– Осип Януарьевич, слышал, у вас радостная весть, – в комнату вошёл крупный мужчина, одетый в такие же короткие штанишки и сюртук, только тёмного цвета.

На толстяке старинная одежда смотрелась ещё более нелепо, чем на папеньке. Зато отчество его наконец узнала. Януарий – интересное имя. Никогда прежде не слышала.

– Михайло Кузьмич, как хорошо, что вы приехали! – папенька вскочил из кресла, бросился к доктору, чтобы схватить за руку и потащить к постели. То есть ко мне. – Софьюшка-то моя проснулась, а встать не может, даже ручку поднять. Смотрит только глазками своими, вон.

Осип Януарьевич всхлипнул. Но я глядела на доктора, который поставил чемоданчик и подсел ко мне. Проверил зрачки, сосчитал пульс. Посгибал руку, сначала запястье, затем локоть и плечо. Подержал на весу – и отпустил.

Долю секунды мне казалось, что вот оно, свершилось! А потом рука безвольно упала на одеяло.

– Что со мной? – сипло спросила я, чувствуя, как по ще-

кам стекают предательские слёзы.

– Ну-ну, не плачьте, голубушка, Софья Осиповна, – доктор накрыл мою ладонь и слегка похлопал по ней. – Поставим мы вас на ноги. Будете снова бегать и верхом кататься...

– Ни за что! – перебил его папенька. – Больше никакой верховой езды! Или вы смерти моей хотите, Михайло Кузьмич?

– Прощения прошу, запомню, что Софья Осиповна с лошади своей упала. Да, батюшка ваш прав, не след вам теперь верхом кататься, для того дрожки есть.

Всю эту тарабарщину про дрожки и лошадок я пропустила мимо ушей. Выделила главное.

– Я буду ходить?

– Разумеется, Софья Осиповна. Мускулы ваши, пока вы спали, пребывали в ненадобности, вот и забыли, как ручки ваши и ножки держать. Мы им напомним, они снова силою нальются.

– Это как? – папенька нависал над нами, стараясь не пропустить ни слова, ни движения.

– А вот так, – доктор опять взял мою руку, начал сгибать и разгибать. Велел: – Теперь упирайтесь, Софья Осиповна, в ладонь мою.

Я сделала, как он сказал, и почувствовала слабый отклик в руке.

– Кажется, что-то есть, – растерянно улыбнулась я, испытывая жгучую надежду, что всё-таки сумею встать с этой

кровати.

– Вот видите, – доктор отреагировал ответной улыбкой, передавая её папеньке. – Надобно разминать все члены и делать ежедневные упражнения. Я научу вашу горничную, а сам буду приезжать, проверять.

– Вы уж, Михайло Кузьмич, подзадержитесь у нас на денёк-другой, я в долгу не останусь, – запереживал папенька.

– Разумеется, голубчик, – толстяк кивнул. – Как улучшения наметятся, так и уеду. А до тех пор сам буду наблюдать за Софьей Осиповной.

– Феклуша! – крикнул папенька.

Тотчас, будто ждала за дверью, заскочила девушка в сарафане.

– Иди, учи упражнения, что Михайло Кузьмич покажет. Потом сама барышне делать будешь.

– Ага, – охотно кивнула Фёкла и просочилась между папенькой и доктором, поближе ко мне.

Михайло Кузьмич принялся показывать движения на моей второй руке. Осип Януарьевич не отходил, мешался, загораживая горничной обзор и тяжело вздыхая.

– Переживаю я, Михайло Кузьмич, справится ли Феклуша с таким ответственным делом? Больно бестолковая девка она у нас.

– Ничего, тут дело нехитрое, требует регулярности и методичности. Да и я буду присматривать на первых порах. А ну-ка, Феклуша, повтори.

Она схватила мою руку и принялась усердно крутить в разные стороны. Только в отличие от аккуратных действий врача, нещадно дёргала, стараясь завершить поскорее.

– Больно! – возмутилась я, чувствуя, как в мышцы впиваются сотни тоненьких иголочек.

– С ручками покамест закончим, – остановил её Михайло Кузьмич, а затем обратился ко мне: – Мы с Осипом Януариевичем сейчас покинем вас, а Феклуша продолжит упражнения с ногами. И помедленнее, милая, ты ж не хочешь ба-рышне ноги оторвать?

– Не, – хмыкнула Фёкла, приняв его слова за шутку.

А я всё более убеждалась, что девушка – прекрасная актриса. Так непосредственно играть недалёкость – это надо уметь. Я едва не поверила, что Феклуша на самом деле глу-повата.

Пока она разминала мои ноги, приходилось постоянно её тормозить.

– Медленнее, осторожнее, не дави так сильно, – сама того не заметив, я начала говорить больше одного-двух слов за раз. А когда Феклуша меня усадила и начала сгибать в разные стороны, я даже на неё покрикивала.

В общем, её помощь приносила немалую пользу. Но, когда она наконец оставила меня в покое, я чувствовала себя так, словно по мне несколько раз проехался асфальтоукладчик. Иголочки теперь кололи везде, даже в таких местах, о которых прежде я и не задумывалась.

Завершив экзекуцию, Феклуша сообщила с той же улыбкой:

– Сейчас покушать вам принесу, барышня. Анфиса бульончику уже наварила.

– погоди, – я не позволила ей умчаться по обыкновению, – помоги мне сесть сначала.

Горничная послушно усадила меня, подложив подушки, чтобы я не завалилась набок, и убежала. Я осталась одна.

В том, что мне приходится участвовать в странном спектакле, я уже сомневалась. Физические ощущения сложно подделать, к тому же так правдоподобно. Онемение конечностей, невозможность поднять голову.

Я же видела, что не связана, просто почти не чувствую своего тела. В актёрстве этих людей я тоже начала сомневаться.

Папенька искренне переживал за меня, доктор желал помочь, а Феклуша была исполнительна до раздражения.

Так куда же я попала?

Глава 2

Бульоны и упражнения медленно, но верно делали своё дело. Через два дня меня вывели на террасу. Хотя, скорее, вынесли, потому что ноги ещё плохо слушались, и стоять я не могла.

Зато сидела почти уверенно. Меня разместили в удобном кресле. Фёкла укутала ноги вязаным пледом и оставила в одиночестве.

Майское солнышко пригревало, настраивая на мирный лад. Если поначалу я боялась, что попала к маньякам или в какую-нибудь секту, то сейчас успокоилась. Мне искренне желали помочь, делали всё для моего комфорта.

Я смотрела на реку, на сочные луга, раскинувшиеся за ней. В отдалении виднелась небольшая деревенька с мельницей, крылья которой вращались от ветра.

Определённо, я нахожусь в России, где-то в средней полосе. Это легко – здесь все говорят по-русски, и природа в начале мая только пробуждается. Листочки на берёзах светло-зелёные, ещё не до конца раскрылись.

Я вспомнила и мысленно разложила все факты, которыми обладала. Последнее, что помню, медсестру, велевшую считать от десяти до одного. Кажется, на семи или шести я уснула.

Думаю, я знаю, что со мной произошло. Только поверить

в это непросто. Похоже, операция пошла не по плану, и я умерла. А очнулась здесь, в теле другой девушки. По рассказам папеньки и доктора, Софья упала с лошади. Значит, тоже не повезло.

Надеюсь, мы просто поменялись. И она проснулась в моём теле, раз уж подобная практика существует. О плохом думать не хотелось.

Но я оказалась не в современной России. По одежде и разговору похоже на девятнадцатый век. Значит, я угодила в прошлое? Лет так на двести назад. А Софья, если мы и вправду поменялись, оказалась в будущем.

На самый сложный вопрос: что теперь делать? Ответа я так и не нашла. Смогу ли вернуться обратно в свою жизнь? И хочу ли туда возвращаться?

Что меня ждало там? Одинокая жизнь и вечные дедлайны. Я ведь терпела боль в животе, потому что у нас горели сроки. Нужно было сдавать объект, и я решила переждать пару дней на обезболивающих. Оказалось, аппендицит переждать нельзя.

А здесь мне даже понравилось. Папенька меня любит. Обо мне заботятся. Ладно, не обо мне, а о Софье, но ведь она теперь – это я. И никуда не денешься.

Ещё бы руки-ноги и прочие конечности начали меня слушаться.

Доктор уверял, что мышцы ослабели от долгой неподвижности. Но мне казалось, дело ещё и в том, что это тело изна-

чально не моё. Вот мы и привыкаем друг к другу понемногу.

Себя новую я ещё не видела. Если честно, боялась. Вдруг не понравится? Или не смогу принять своё новое отражение?

Ничего, подожду, спешить мне некуда.

– Ты не замёрзла, душа моя? – на террасу вышел Осип Януариевич.

– Нет, – мысленно я называла его папенькой, а вслух пока не могла.

Но он и не требовал. За эти дни я поняла, что отец Софьи – добрейший человек. Он никогда не повышал голос, был ласков и внимателен. Даже на Феклушу, которая и впрямь оказалась недалёкой, ни разу не сорвался.

– Хороший денёк сегодня, прогуляться бы, – мечтательно протянул он.

– Так прогуляйтесь, – вздохнула. Сама бы тоже не отказалась.

– Подожду, пока ты выздоровеешь, Софьюшка, вместе и прогуляемся, – улыбнулся папенька.

Во взгляде ни тени сомнения, что так и будет. Я ответила ему слабой улыбкой. Мне б такую уверенность. Впрочем, он едва не потерял единственную дочь, у него есть все причины для оптимизма.

Через неделю я уже ходила. Медленно, осторожно, придерживаясь за стеночки, но сама.

Сегодня я отказалась от помощи Феклуши. Насмотрелась, как она меня одевает. Ничего сложного в этом наряде не бы-

ло. Я уже почти привыкла.

Самой вышло едва не втрое дольше, но я чувствовала себя, будто совершила подвиг. В прямом и переносном смысле: гордилась своей самостоятельностью и зверски устала. А ведь ещё только утро. И одевалась я не просто так, а чтобы идти в столовую.

Сегодня мы впервые завтракали вместе с папёнькой.

И раз в моей жизни начинается новый этап, я решила, что пора познакомиться с новой собой. Не то чтобы я уже готова посмотретья в зеркало и признать новые реалии, однако и тянуть дальше нет смысла.

Я решительно направилась в небольшую смежную комнату, служившую Софье гардеробной. В смысле потащилась вдоль стены, чтоб опереться на неё, если вдруг ноги подведут.

Прежде я сюда не заходила. Феклуша сама таскала мне платья. Всегда приносила несколько нарядов, и обычно я кивала на первое, что видела.

Лишь сегодня озаботилась выбором.

В гардеробной висело большое зеркало в массивной раме. Я остановилась в нескольких шагах от него, собираясь с духом. А затем подняла взгляд.

В мутноватой поверхности отражалась юная девушка с невероятными волосами насыщенно-рыжего цвета. Небольшой вздёрнутый носик, пухлые губы, длинная шея. И глаза красивые, только цвет их я так и не определила. То ли зелё-

ные, то ли серые. Радужка неуловимо менялась, стоило слегка повернуть голову.

Зря я переживала. Софья мне понравилась. А главное, она была лет на десять моложе меня прежней.

– Надеюсь, ты не сильно разочаровалась, увидев, что твоему новому телу под тридцатник? – спросила я у отражения.

Затем улыбнулась ему, наблюдая, как незнакомое пока лицо озаряется улыбкой. Ничего, я привыкну. Ведь это теперь моя жизнь.

А потом направилась в столовую. Меня ждали папенька и завтрак.

Столовая мне понравилась. Большая, просторная и светлая, благодаря панорамным окнам, открытым по случаю тёплого утра.

Я уже почти привыкла к музейным интерьерам этого дома. Поэтому без лишнего пиетета села на изящный стул с выгнутыми ножками, украшенными фигурами зверей.

К тому же пахло в столовой не вековой пылью экспонатов, а свежими булочками с корицей. На столе, накрытом белой скатертью, стоял изящный фарфоровый сервиз с весёленькими незабудками. На тарелках лежали учуянные мною булочки, стопка блинов, горка оладий. В розетках я разглядела сливки, мёд и несколько видов варенья.

– Как спалось, Софьюшка? – поинтересовался Осип Януариевич, закладывая за воротник льняную салфетку и направляя её на груди.

– Благодарю, хорошо.

Я смотрела на свою салфетку и не знала, как поступить. У платья довольно глубокий вырез. Если последую примеру папеньки, может случиться конфуз.

– Что ты так глядишь на эту салфетку? Как будто забыла, что с ней делать?

Папенька заметил мою заминку. А я поняла, что это выход.

– Кажется, я и впрямь забыла, – подняла на него растерянный взгляд.

– Софьюшка, да как же это? – Осип Януариевич забеспокоился. – Совсем, что ль, ничего не помнишь?

– Не то чтобы совсем, – я решила не перебарщивать с амнезией, – но некоторые предметы словно впервые вижу.

– Что ж такое! Одна напасть за другой! – папенька расстроено махнул рукой, задев салфетку, которая повисла у него на груди печальной тряпочкой.

– Не переживайте, папенька, – я думала, придётся себя заставлять, но слово вылетело само. – Это тоже пройдёт.

– Ох, Софьюшка, – вздохнул он. – Хочется мне, чтоб ты у меня выздоровела скорей и хохотала как прежде. Ты ж такая озорница была, а сейчас что? Бледная, тихая, печальная, как будто и не ты вовсе.

Я стала ещё бледнее и тише. Неужели догадался?

Однако Осип Януариевич не спешил обвинять меня в подмене и звать людей, чтобы скрутили и отправили в полицию.

Вместо этого он решил:

– Завтра Потапа за лекарем отправлю. Пусть Михайло Кузьмич посмотрит тебя. Вдруг тебе хужеет.

– Так он два дня назад у нас был, – я слегка осмелела, – сказал, что иду на поправку.

– Пусть глянет на всякий случай, сердце у меня не на месте, Софьюшка, – он снова вздохнул. – Как матушка твоя померла, ты одна – мне утешение. Не приведи Господь, с тобой что случится опять...

Он печально покачал головой. А я, вдруг поддавшись неведомому порыву, встала со своего места, обошла стол и склонилась к Осипу Януариевичу. После секундной заминки обняла за шею.

Он всхлипнул. А затем сжал мою руку.

– Ну вот, узнаю свою Софьюшку, а то как неродная. Всё сидела и смотрела только, думал уж, и меня позабыла.

– Ну что вы, папенька, разве вас можно забыть?

Я ощутила, как подступают слёзы, так жалко стало несчастного. Сначала потерял жену, потом – дочь. Может, я и выгляжу, как она, но его отцовское сердце чувствует во мне чужого человека.

А ведь у меня тоже кроме него никого нет. Ни одной родной души. Чем не причина поддерживать друг друга?

– Ну по́лно, по́лно, доченька, – Осип Януариевич легонько похлопал меня по руке и снова всхлипнул, – совсем расстрогала старика.

– Вы не старик, папенька, – с каждым разом называть его так становилось всё легче, – вы у меня ещё о-го-го. Завидный жених.

Я вернулась на своё место. А папенька вытирал салфеткой покрасневшие глаза. Только теперь он не плакал, а смеялся.

– Шутница ты, Софьюшка. Умеешь отца развеселить.

Я не стала убеждать его, что вовсе не шутила. Только про себя подумала – почему бы и нет? Обживусь здесь, присмотрюсь к соседкам. Может, и найдётся подходящая женщина. Осипу Януариевичу необходимо встряхнуться. Совсем он захирел. А ведь ему немногим больше сорока, как я недавно выяснила. Жить ещё да радоваться.

В общем, придётся брать дело в свои руки.

Я улыбнулась своим матримониальным замыслам относительно ничего не подозревающего папеньки. А он заметил.

– Возвращается моя Софьюшка, но за Михайло Кузьмичом всё равно пошлю. Чтобы спать спокойно, – и тут же прокричал: – Егорий, подавай кашу. Небось, простыла уже.

В столовую просочился пожилой мужчина, строго одетый – в чёрный камзол с длинными фалдами или это фрак? Худой, высокий, с длинным носом и выпирающей нижней челюстью. Борода и усы были аккуратно подстрижены.

Одним словом, выглядел Егорий весьма прилично и даже строго.

Он принёс поднос с двумя тарелками. Каждая была накрыта фарфоровой крышкой с теми же незабудками. Лакей

поставил тарелку отцу, затем мне. Снял крышки, поклонился, пожелав приятного аппетита, и чинно удалился.

В тарелке оказалась овсяная каша. Сваренная на молоке, с кусочками сухофруктов и ягод, тающим в центре ярко-жёлтым маслом. Кашу на завтрак я прежде не ела, но тут не смогла устоять. Слишком вкусно пахло.

– Блиночками, блиночками кашку закусывай и оладушками, – посоветовал папенька. – Анфиса наша для тебя старалась. Говорит, дескать, чтоб барышня скорей выздоравливала надо хорошо ей кушать. А то на бульонах жидких с курятиной далеко не убежишь.

Я послушно взяла тонкий, едва не просвечивающийся блин, свернула в трубочку и обмакнула в сливки. Очевидно, здесь считают, что именно это и есть полезная для здоровья еда. Не удивительно, что папенька у меня приятной глазу округлости. А доктор так и вообще стремится к идеальной фигуре, которой в математике считается шар.

Мне придётся как-то контролировать калории, чтобы и самой не стать идеально круглой. Но это потом. Сейчас мне надо выздоравливать. Поэтому я потянулась за оладушком.

Глава 3

Доктор не нашёл у меня никаких дополнительных недомоганий.

– Человеческий разум – место тёмное, ещё не изученное. Господь только и ведаёт, что там у нас творится, – рассуждал он за обедом, с аппетитом поедая кислые щи. – Может, у Софьи Осиповны сотрясение какое приключилось, когда она с лошадки-то... того...

Михайло Кузьмич не договорил. Могло показаться, что он сделал паузу из чувства такта. Однако я уже знала, что с этим чувством наш лекарь незнаком. Может, в силу профессии, а может, по натуре.

Доктор откусил большой кусок хлеба, прожевал, заел ложкой щей и после этого продолжил рассуждения.

– ...сверзилась. Головкой-то наверняка ударилась, раз полгода недвижимая лежала. Тело забыло, как ровно стоять, а разум – как помнить былое.

– Вы мне, Михайло Кузьмич, прямо скажите: станет моя Софья прежней или нет? – потребовал у него папенька и тоже проглотил ложку щей. – Без этих ваших витиеватостей.

Я к разговору почти не прислушивалась. Незачем. Мне мой организм говорил, что я практически здорова и нахожусь в своём уме. А с памятью очень удачно вышло: можно будет списывать на это свои ошибки. Теперь и доктор под-

твердит, что у меня после падения появились провалы.

После обеда мы с папенькой отправились на прогулку. Михайло Кузьмич отказался, сославшись на усталость и необходимость вздремнуть перед дорогой домой.

Я впервые вышла дальше террасы и с интересом оглядывалась по сторонам.

Усадьба мне сразу понравилась. Трёхэтажный дом окружали такие же белые флигели. Широкое парадное крыльцо украшали колонны. Перед ним был разбит большой цветник, где уже распустились жёлтые нарциссы, белые и розовые тюльпаны, маленькие синие гиацинты, радуя взгляд своим разноцветьем.

По периметру росли кусты роз. Цветов на них ещё не было, только небольшие светлые листочки.

Осип Януарьевич покосился на меня, расстроено вздохнул и пояснил:

– Значит, розы свои тоже не помнишь?

Я покачала головой. Из цветов мне нравились ромашки, и лучше – полевые. Розы казались вычурными, никогда их особо не любила.

Но папеньке говорить не стала. С него и так достаточно испытаний.

Мы неспешно прогуливались по дорожкам, посыпанным мелким речным песком. Я наслаждалась движением после долгой неподвижности, ароматом цветов и свежим воздухом, какой бывает в мае в деревне.

Осип Януариевич рассказывал об усадьбе. Белявское основал его прадед, назвав по своей фамилии. Сначала и дом, и флигели были деревянными, но после большого пожара дед всё здесь перестроил, решив, что белёный кирпич надёжнее.

Дед же разбил парк, который шёл от другой стороны дома к озеру.

– Получается, Белявское построили между рекой и озером? – спросила я, помня, как любовалась изогнутой лентой и деревушкой на другом берегу с террасы бокового выхода.
– Очень удачный выбор, здесь так красиво.

– Уверен, ты вспомнишь, когда увидишь своё любимое место, – папенька сжал мою руку.

Взгляд его загорелся предвкушением. Он двинулся быстрее, увлекая меня за собой. Мы обошли дом и оказались в тенистом парке.

Широкая липовая аллея брала своё начало от открытой террасы, на которую вели стеклянные двери столовой.

– Я люблю здесь обедать летом? – мне и самой стало любопытно. К тому же место красивое. Думаю, я смогла бы его полюбить.

– И обедать, и ужинать, – папенька хитро улыбнулся, – но это ещё не оно.

И мы пошли дальше.

Центральную аллею пересекали поочерёдно – дубовая, каштановая и кленовая. Вдоль них росли кустарники, из которых я узнала только акацию и чубушник.

Парк тоже был удивительно красив, но Осип Януарьевич не останавливался, и я поняла, что и это не самое любимое место его дочери.

Зато в конце аллеи увидела изящную двухэтажную беседку. Первый этаж построен из белёного камня, второй – из дерева, а крыша покрыта камышовой соломой.

У папеньки сделалось хитрющее выражение, когда мы подошли ближе.

– Ещё немного, душа моя, – улыбнулся он, делая приглашающий жест. – Поднимайся осторожнее, тут крутые ступеньки.

Я уже заметила водную гладь за беседкой и поняла, что она стоит на берегу того самого озера. Однако стоило забраться на второй этаж, как у меня перехватило дух.

Озеро стелилось ровной зеркальной поверхностью, в которой отражались облака и макушки деревьев, растущих у воды. Оно было широким и наверняка глубоким в центре. Но у подножия беседки проглядывалось мелководье, усеянное мелким песком с вкраплениями ракушек. Здесь резвились рыбёшки, лягушки возмущались суете. А шагах в пятидесяти от нас стояла одноногая цапля, ожидая свой завтрак.

– Какая красота! – воскликнула я, даже не пытаясь сдерживать восхищение в голосе. – Это оно! Это моё любимое место.

– Я знал, что ты вспомнишь, – папенька выглядел донельзя довольным.

Однако я уже всматривалась в противоположный берег. Он был выше, и там, на холме, стоял белый двухэтажный дом, окружённый кронами деревьев.

— А там что? — спросила я, чувствуя необъяснимую потребность прогуляться к этому дому.

— Это Высоты, — Осип Януарьевич вздохнул и с неодобрением добавил: — Усадьба нашего соседа. Но тебе, Софьюшка, лучше о нём даже не слышать.

Разумеется, мне сразу же стало интересно, что за сосед? И почему для меня такое строгое ограничение?

— Ох, душенька, ты и прежде была любопытной, — пожаловался папенька.

— Но ведь это хорошо, что я не сильно изменилась, — подластилась к нему.

— И впрямь, хитрая моя лисичка, — он коснулся пальцем моего носа. И начал рассказывать.

Когда-то два брата Белявских, Илларион и Вениамин, так дружили, что решили жить поблизости, чтоб видеть друг друга каждый день. И основали свои усадьбы по разным берегам одного озера. В хорошую погоду они махали друг другу ручками, в плохую — смотрели в подзорную трубу и тоже махали.

Идиллия продолжалась долгое время, но затем братья поругались. Причину размолвки за давностью лет никто не помнил, но ссора вышла знатной. О ней гудела вся округа.

Ведь на смену дружбе пришли непримиримая вражда и

соперничество. Лично они больше не встречались. И даже соседи в гости приглашали лишь одного из Белявских, чтоб не вышло скандала.

Однако за жизнью друг друга продолжали наблюдать. Только теперь подзорную трубу использовали тайком, из засады. А ещё каждый, понимая, что соперник за ним следит, стремился показать, насколько лучше ему живётся.

– Доходило до смешного, – делился Осип Януариевич. – Моему прадедушке с востока привезли чайный сервиз. Так он каждый день велел накрывать стол в беседке и пил чай даже зимой, в непогоду, чтобы брат это видел и завидовал.

Папенька покачал головой.

– А второй? Что он придумал в ответ? – история оказалась прелюбопытной.

– Он обедал на заднем крыльце своего дома, там довольно широкая терраса. И тоже выставлял какой-то уникальный сервиз. Я уж сейчас не помню. Мне эту историю рассказывала бабушка, когда я был маленьким. У нас в семье она считалась поучительной.

– Чем у них всё закончилось?

– Илларион Николаевич из Высот умер. Его вдова продала поместье и уехала подальше. Она была сыта по горло этой враждой. А Вениамин Николаевич очень сокрушался, что ему не предложила.

Папенька задумался, глядя на холм.

– А потом? – не отставала я.

– Потом Высоты несколько раз меняли владельцев. Надолго там никто не задерживался, уж не знаю почему. Где-то с год назад у имения появился новый хозяин. О нём говорят разное, но общее мнение весьма неблагоприятно. Он игрок или бретёр, не помню точно. Был вынужден покинуть столицу из-за страшного скандала.

– Что за скандал? – становилось всё интереснее и интереснее.

– Точно не знаю, – зато у папеньки новый сосед не вызывал ни одобрения, ни любопытства. – Но что-то жутко неприятное. Вроде бы он опорочил юную барышню, просватанную другому, а потом застрелил её жениха.

– Какой страшный человек, – ужаснулась я.

– Вот именно! – подтвердил Осип Януарьевич. – Поэтому держись от Высот подальше. Хотя, говорят, хозяин давно отсутствует. Может быть, даже собирается выставить усадьбу на продажу. Сейчас Высоты пустуют. Сергей Пафнутьевич, когда охотился, случайно забрёл на территорию соседа. Говорит, там была лишь пара стариков из прислуги и всё.

– А почему Сергей Пафнутьевич охотился на чужой территории?

– Софья, ты как и прежде несправедлива к Сергею Пафнутьевичу! – возмутился папенька. – Он честнейший человек. И если зашёл на земли соседа, то исключительно по ошибке.

Я промолчала, до неведомого Сергея Пафнутьевича мне не было никакого дела. Зато у папеньки он вызывал, похоже,

тёплые чувства.

– Погоди-ка, кажется, я напутал. Этот наш сосед не застрелил жениха, а изуродовал. Вроде намеренно в лицо ему стрелял. А тот, между прочим, герой войны с Наполеоном.

– А невеста?

– Что невеста? – не понял Осип Януариевич.

– Вышла замуж за своего жениха, раз он остался жив?

– С развороченным-то лицом? – засомневался папенька, но честно признался: – Чего не знаю, того не знаю.

Брр, какая леденящая душу история. Даже хорошо, что наш жуткий сосед здесь больше не живёт. Выстрелить человеку в лицо – это кем надо быть?

Я знала, что в начале девятнадцатого века дуэли между мужчинами служили методом разрешения споров. Нанесли тебе оскорбление, вызови на дуэль и застрели. Нет человека – нет проблемы.

Но даже для своего времени этот случай чересчур жесток.

– Хорошо, что ты впечатлилась, – папенька наблюдал за выражением моего лица, его явно порадовало увиденное. – Значит, не станешь делать мне наперекор и не пойдёшь туда.

– Не пойду, – согласилась я.

Очарование дома на холме не угасло, но его хозяин вызывал отторжение. Не люблю жестокость, тем более нарочитую.

Мы двинулись домой, но я всё не переставала думать об этом.

А вечером папенька предложил:

– Душа моя, не позвать ли нам гостей?

– Гостей? – я напряглась.

– Сергея Пафнутьевича, Пульхерию Андревну с дочками, Михайло Кузьмича.

– Лекаря я знаю, но остальные... – не нравилась мне эта идея.

Приедет куча незнакомых людей, будут меня рассматривать, расспрашивать, а я без понятия, как себя вести.

– Остальным мы скажем, как есть, что ты пока их не вспомнила, но вспомнишь обязательно. Позже. Софьюшка, – он взял меня за руку, – нельзя всю жизнь прятаться. Пора выходить в люди.

Я задумалась. Осип Януарьевич прав, если мне придётся здесь жить, нужно познакомиться с окружением. Может, мне даже понравится.

– Хорошо, – согласилась я, мысленно убеждая себя, что не зря.

Глава 4

На воскресенье назначили пикник. Я настаивала именно на этой форме. Так хотя бы останется пространство для манёвра, и в случае чего можно будет сбежать в дом.

За эти дни я привыкла к своей новой комнате на втором этаже. Теперь она казалась уютной. А если забраться на подоконник вечером, сквозь кроны деревьев видны звёзды. Такие яркие из-за оглушающей темени парка.

Казалось, до воскресенья ещё масса времени, но дни таили с ужасающей скоростью. В субботу я никак не могла уснуть. Всё ворочалась с боку на бок. Потом не выдержала, встала, распахнула створки и почти привычным движением забралась на подоконник, поджав под себя ноги.

Ночная рубашка до пят защищала меня от лёгкого, уже почти летнего ветерка. Звёзды сверкали и подмигивали, настаивая на мирный лад.

Может, я зря так волнуюсь? Ничего страшного не произойдёт. Папенька будет рядом, он не позволит меня обидеть. В этом я не сомневалась.

Посидев ещё с полчаса, я немного успокоилась и пошла в постель. Но утром меня начало трясти с ещё большей силой.

За завтраком я не могла проглотить и кусочка. Чудесная сахарная сдоба с хрустящей корочкой бессмысленно остывала на тарелке.

– Софьюшка, – Осип Януарьевич глядел расстроено. – Наверное, я зря давил на тебя. Только скажи, я напишу гостям, что ты сегодня не можешь никого принять. Перенесём на другой день.

Предложение было заманчивым. Однако я собрала силу воли и отринула его.

– Спасибо, папенька, но я не боюсь, просто немного нервничаю, как всё пройдёт.

Что толку спрятаться сегодня? Рано или поздно всё равно придётся знакомиться. Пластырь лучше срывать резко, тогда не успеешь сильно испугаться.

– Я рад, душа моя, – папенька первым поднялся из-за стола и, проходя мимо меня, поцеловал в лоб. – Я почитаю отчёты управляющего, а ты распоряжайся. К полудню выйду встречать гостей.

Я была благодарна Осипу Януарьевичу за доверие. Да, организовать приём шестерых соседей совсем не просто. Но это, если у тебя нет кухарки и слуг, готовых выполнить любой каприз. От меня требовалось лишь сказать, чего хочу и куда это поставить.

Я решила отказаться от стола и кресел. Чем меньше условностей, тем проще атмосфера. Тем легче будет мне.

В общем, хотела упростить себе жизнь, подстраховаться и постелить соломки. Точнее одеяла.

После завтрака я отправилась в парк. Проверила сухость дорожек и газонов. Дождей всю неделю не было, поэтому

мой замысел представлялся легко осуществимым.

Накануне я выбрала одну просторную лужайку. В прошлом году во время грозы над ней сломались две толстые ветки, открыв доступ солнцу. Трава здесь росла гуще и выше, чем в более тенистых местах. Садовник думал уже косить, но я попросила подождать.

По моему указанию сюда принесли тёплые одеяла. Одно положили в центре, остальные – по четырём сторонам. Сверху их накрыли красивыми покрывалами. Я решила, что по два человека мы вполне вольготно разместимся на покрывале. А центр послужит столом.

Кухарка нахмурилась, когда я пришла к ней со списком.

– Да разве ж я управлюсь одна, барышня? – засомневалась она.

– Анфиса, бери себе в помощь, кого хочешь и сколько хочешь. Если кто заартачится, скажи, барышня дала тебе карт-бланш.

– Что барышня дала? – не поняла кухарка.

– Распоряжение, – я решила не привлекать внимание к смене лексикона. – Я дала распоряжение, всё это приготовить. Оставлю тебе список.

– Дык я читать не умею, Софьюшка Осиповна, – снисходительно сообщила Анфиса, добавляя: – Знаю, что вы всё запомнили после того, как Розочка вас...

– Розочка?

– Лошадка ваша. Уж как вы её любили, а она такая негод-

ница, как вас... – Анфиса всхлипнула.

Ладно, с Розочкой разберёмся позже. Для меня падение Софьи с лошади было чем-то абстрактным. Я даже не задумывалась, что эта лошадь на самом деле существует.

– Кто у нас умеет читать?

– Антипка, сынок мой, он в школе вашей учится. Учитель его хвалит, – похвасталась Анфиса.

– Отлично! Значит, Антипка тоже будет помогать, – решила я.

Но сначала список блюд мы обсудили с самой кухаркой. Вишнёвый пирог пришлось исключить, потому что варенья не осталось.

– В прошлом году вишни почти не было, градом цветки побило, так и всё, новых неросло, – пояснила Анфиса. – Зато яблок сушёных много осталось. Может, яблочный изволите?

– Прекрасная мысль!

С полчаса мы обсуждали заливной «цветаевский» пирог, который обожала моя мама, передав эту любовь и мне. Кухарку восхитила простота и изысканность рецепта, но затем она задала неудобный вопрос:

– Кто ж вам рассказал про такое чудо, Софья Осиповна?

Штирлиц был близок к провалу. К счастью, он быстро сориентировался.

– Не помню, кажется, где-то прочитала. И вот решила попробовать.

– Не извольте волноваться, всё сделаем в лучшем виде, – пообещала кухарка.

И по поводу еды я больше не волновалась. Только из-за всего остального.

К счастью, погода меня тоже не подвела. День выдался солнечный и тёплый, почти без ветра. Я проследила за расстиланием покрывал, попросила положить на края камешки, вдруг ветер всё же поднимется.

– Только чистые несите! – нервно выдала я.

Наша ключница Дарья молчала, но смотрела на меня неодобрительно. Она считала, что и сама могла прекрасно справиться с организацией пикника. Барышне ни к чему себя утруждать.

Хорошо, что перечить мне не решалась, а то пришлось бы объяснять, почему я так жажду сидеть на земле вместо удобных садовых кресел за удобным садовым столом. Ведь двери столовой выходят на чудесную открытую террасу – сиди там на свежем воздухе и наслаждайся.

– Барышня, одеваться пора! – издалека прокричала Феклуша. – Стрелки встретились, где вы сказали.

Значит, почти одиннадцать. Действительно, пора одеваться.

– Дарья, проследи, чтобы края камнями закрепили, – попросила я и направилась к дому.

Сердце билось часто-часто. Как то всё пройдёт?

– Сначала волосики уложим, – сообщила Фёкла, когда я

села на стул в одной сорочке.

Волосики, так волосики. Я не стала спорить. Обычно сама утром расчёсывалась, а потом заплетала косу или укладывала волосы на затылке, закрепляя шпильками. Но сегодня особый день, и горничная будет делать мне особую причёску.

– Ты зачем печь затопила? – я обратила внимание, что Феклуша возится с дровами.

– Дык щипцы ж прогреть надо, – откликнулась она, чем-то гремя у огня.

Я не стала уточнять, для чего ей щипцы. Думала, где лучше встречать гостей. Наверное, на крыльце рядом с папенькой. Или лучше у подножия лестницы? И вообще, есть ли разница? Может, здесь не принято самим выходить?

Я почувствовала запах раскалённого железа, а потом увидела, как Фёкла потянулась к моим волосам.

– Что ты делаешь? – заволновалась я.

– Дак локоны, вы ж саами хотели причёску понаряднее, – удивилась горничная.

Я повернулась к ней.

– Этим? – кивнула на красные от жара щипцы.

– Этим, – не стала отпираться Феклуша.

– Этим не дам!

У Софьи такие красивые волосы, как можно жечь их железом?!

– А чем тогда? – искренне удивилась горничная.

– Ничем, – я отмахнулась. – Неси платье, волосы сама уложу.

Арсенал причёсок у меня был небольшой. Найдись под рукой интернет, я бы что-нибудь подсмотрела. А так, выбирая между косой и узлом, я решила собрать пряди у лица и оставить остальные распущенными. Если хорошенько расчесать, будут блестеть на солнце золотом.

Вполне себе празднично!

Феклуша застыла в дверях гардеробной с платьем в руках. Я увидела её в отражении зеркала.

– Рот закрой, муха залетит.

Горничная послушно захлопнула рот и даже не обиделась на подначку. А мне стало стыдно. Её простота иногда меня умиляла, но чаще раздражала. Фёкла понимала только простые фразы и простые задания. Когда требовалось что-то, состоящее из двух или, не дай бог, больше шагов, после каждого приходилось повторять заново.

Если я теряла терпение и повышала голос, у Феклуши делалось такое по-детски несчастное лицо, что мне становилось стыдно за свою несдержанность. Я решила, что горничная мне дана тренировать терпение.

И вроде выходило неплохо, пока я снова не забывалась и не говорила что-нибудь грубое. Вот как сейчас.

А Фёкла, глядя на меня, улыбнулась и произнесла с восхищением:

– Какая ж вы красивая, барышня, будто бабочка огненная.

– Спасибо, Феклуша, – я смутилась и покраснела от стыда.

Девушка не виновата, что не слишком умна. И это не причина, чтобы над ней смеяться. Даже если она не всегда понимает это.

Я пообещала себе, что больше никаких насмешек. Буду тренировать терпение и уважение. И начну прямо сейчас.

– Садись, – велела ей, поднявшись со стула.

– Куда? – не поняла Феклуша и на всякий случай попятилась.

– На стул садись, быстро! Скоро гости приедут.

Девушка опасливо опустилась на стул. Её испуганный взгляд наблюдал за мной через зеркало.

– Не бойся и сиди, не двигайся.

Я распустила её растрепавшуюся от беготни косу и взялась расчёсывать пряди.

– Хорошие у тебя волосы, Феклуша, крепкие. И цвет красивый – светло-русый. Думаю, к твоим глазам подойдёт голубое.

Я сняла голубую ленту, приложила к лицу горничной, которая так и сидела, боясь шелохнуться. Смотрела только, и глаза стали огромными от испуга и непонимания, чего это на меня нашло.

Я заплела косу, вплела в неё ленту, свернула узлом и для крепости добавила шпилек, а затем аккуратно обмотала лентой.

– Ну, разве не прелесть? – спросила у Феклуши.

Только после этого она перевела взгляд с моего лица на своё. А я с удовольствием наблюдала, как меняется выражение. Проходит испуг. И вот уже Фёкла вертит головой, чтобы разглядеть себя со всех сторон.

– Хороша?

– Да, барышня, – выдохнула она.

– Ну всё тогда, иди, дальше я сама справлюсь.

Я чувствовала неловкость из-за своего порыва. Не сочтёт ли Феклуша его слишком странным? Вряд ли барышня прежде панибратствовала со своей горничной. Не принято здесь такое.

Впрочем, я ведь головой ударилась при падении, так что могу чудить.

– Как же сама управитесь? А пуговички вам кто застегнёт? – Фёкла осмелела, вроде даже приосанилась. И взгляд испуганный куда делся.

– Ну раз не управлюсь, помогай, – я улыбнулась.

Надо же, как красивая лента меняет женщину.

В дверь постучали.

– Кто тама?! – крикнула Феклуша, застёгивая те самые пуговички на моём платье.

– Барышня, Осип Январич просят поторопиться. Антипка прибежал, говорит, едут уже гости.

– Барышня чичас выйдет. Пускай обождёт! – снова закричала Феклуша.

– Ты меня оглушишь, – тихо сообщила я.

– Прощения просим, барышня, не можно оторваться, такие путанные платья у вас, господ, – она покачала головой и тут же принялась рассуждать: – Но теперича ещё ничего, вот матушка ваша, Евпраксия Николавна, царствие ей небесное, и кринолины застала, и корсеты. Вот намучилась, бедная.

– А ты откуда знаешь? – Фёкла была моей ровесницей.

– Дык сказывали. Матушка моя при усадьбе была, пока не просватали. А до неё ейная матушка. У нас в роду все старшенькие в горничные барыням идут, так уж повелось. Да вы ж не помните.

Осмелев, Феклуша вдруг стала словоохотливой.

– Ну, вот и всё, – она оправила платье. Отошла на шаг, чтобы окинуть взглядом, и вынесла свой вердикт: – Красота! Сергей Пафнутич глаз не отведёт.

– Причём тут Сергей Пафнутьевич? – насторожилась я. Что-то это имя слишком часто звучало.

Однако горничная не успела ответить.

– Барышня, – снова раздалось за дверью, – подъезжают ужо.

– Иду!

Я бросила на Феклушу взгляд – потом расспрошу. И вышла из комнаты.

Глава 5

Папенька ждал на крыльце, то и дело оборачиваясь назад. При виде меня, на его лице появилось облегчение. Сомневался, значит, что приду.

Я вышла на крыльцо, когда к нему подкатила двуколка, в которую был запряжён красивый жеребец серой масти. Правил им крупный мужчина лет под сорок, с русыми волосами, в которых почти не виднелась седина, и гладковыбритым лицом.

Увидев нас на крыльце, он улыбнулся и наклонил голову.
– Сергей Пафнутьевич Хмелёв, – пробормотал папенька едва слышно.

Приятный мужчина, решила я. А потом к двуколке подбежал Антипка.

Во время подготовки к пикнику я успела немного познакомиться с сыном кухарки. Он был исполнительным мальчишкой, всегда готовым помочь.

Вот и сейчас Антипка потянулся, чтобы забрать поводья. Наверное, он думал, что гость покинет коляску, позволяя увести коня. Я думала так же и уже растянула губы в приветственной улыбке, готовясь знакомиться.

И вдруг Сергей Пафнутьевич замахнулся, отвесив Антипке оплеуху. Удар был такой силы, что мальчишка упал на спину. Сдерживая слёзы, он схватился за щёку, с недоуме-

нием и страхом смотрел на мужчину, в несколько раз крупнее и сильнее себя.

– Ты что творишь, холоп?! Кто тебе дозволил хватать меня грязными ручонками? – прорычал Сергей Пафнутьевич.

Спрыгнул на землю и навис над Антипкой, явно собираясь ударить его сапогом.

– Нет, это вы что творите?! – прежде чем осознать, что делаю, я уже сбежала с крыльца, бросившись наперерез.

Встала у него на пути, понимая, что почти в два раза меньше него. Если он ударит меня, отлечу так же, как Антипка.

– Софья Осиповна? – Хмелёв остановился в двух шагах. Мне пришлось поднять голову, чтобы заглянуть ему в глаза. Голубые, холодные, непонимающие.

– Если вы хотите и дальше посещать этот дом, извольте вести себя как благородный человек, а не разбойник на лесной дороге.

Я блефовала. Папенька за эти дни столько раз упоминал Сергея Пафнутьевича, что становилось ясно – между ними хорошие, возможно, дружеские отношения. Откажет Осип Януарьевич своему соседу и приятелю от дома лишь потому, что его попросит дочь?

Я сомневалась. Но намерена была стоять до конца.

– Прошу прощения, Софья Осиповна, я всего лишь поучил холопа, как следует вести себя с дворянином. Сожалею, что вашим нежным глазкам пришлось это увидеть.

Он потянулся к моей руке. Я отпрянула.

– Не думала, что избивать беззащитного ребёнка достойно дворянина, – произнесла язвительно, заметила, как сузились его глаза, и не удержалась, добавила: – К тому же это не ваш холоп, не вам его и учить.

А сама повернулась к Антипке, помогла ему встать.

– Позови Потапа, а потом беги к маме, – велела ему.

И не оборачиваясь на гостя, пошла к отцу. Тот не выдержал, сам уже спускался к нам.

– Сергей Пафнутьевич, дорогой, что тут произошло? – взволнованно поинтересовался папенька.

Он слышал только начало моей фразы. Однако интонация и поспешность не оставляли сомнения, что я бежала скандалить.

– Здравствуй, Осип Януарьевич, у нас с Софьей Осиповной размолвка небольшая вышла, – Хмелёв усмехнулся.

Я успела заметить, как он посмотрел на меня. Заинтересованно, с холодным расчётом и предвкушением. У меня озноб прошёл по коже от этого взгляда.

Сергей Пафнутьевич – опасный человек. Мне стоит держаться от него подальше.

Большого сказать ни он, ни я не успели, у подъездного круга показалась ещё одна коляска. Из-за случившегося вышла заминка, двуколку Хмелёва убрать не успели. Однако доктор Земляникин совершенно спокойно остановил экипаж поодаль, помог слезть дородной даме с приятным лицом. А затем они под руку направились к нам.

– Приветствую, Софья Осиповна, Осип Януарьевич, Сергей Пафнутьевич, рады вас видеть в добром здравии.

Михайло Кузьмич поцеловал мою руку.

– Супруга моя, Зинаида Ильинична, – без лишних объяснений он представил жену.

– Рада вас видеть, Зинаида Ильинична, – я повторила имя, чтобы запомнить.

Она обняла меня, тепло, почти по-матерински.

– Миша рассказал, что ты многое забыла, Софья, – она сочувственно покачала головой, вздохнула, а потом улыбнулась: – Но ничего, всё пройдёт, пройдёт и это. Вспомнишь.

– Спасибо, Зинаида Ильинична.

Земляникина мне понравилась. Милая женщина, добродушная, в отличие от толстокожего мужа, но такая же простая, без заносчивости.

– По какому поводу пробка? – поинтересовался Михайло Кузьмич, кивая на двуколку Хмелёва.

– Да случилось у нас тут недоразумение, – пояснил папенька. – Конюх сейчас придёт.

– Ничего, я и сам Ветерка отведу на конюшню, – отмахнулся лекарь и действительно пошёл к своей коляске.

Я посмотрела на Сергея Пафнутьевича. Тот ответил мне хмурым взглядом, но примеру Земляникина не последовал. Тем более спустя полминуты подошёл Потап и увёл жеребца вместе с двуколкой.

Зинаида Ильинична щебетала о погоде, о том, что по всем

приметам нас ждёт славное тёплое лето.

Подъехал ещё один экипаж, с поднятым верхом. На козлах сидел кучер. Он помог выйти габаритной женщине и двум девушкам-подросткам. Затем забрался обратно на козлы и направил лошадей в сторону конюшни.

– Пульхерия Андревна, – напомнил папенька имя последней гостыи и сам двинулся ей навстречу, – как я рад, что вы приняли наше приглашение.

– И я рада вас повидать, – она протянула ему руку, похожую на перетянутый верёвками окорок.

И я поняла, что с пикником выйдет конфуз.

Если Земляникиной будет просто неудобно сидеть на траве, то эта Пульхерия Андреевна не сумеет так согнуться. А поднимать её потом каким образом? У нас нет подъёмного крана.

На меня надвигалась катастрофа.

Дарья пыталась предостеречь, но я не желала слушать советы. В моём понимании пикник – самая комфортная форма взаимодействия между людьми. Компания пару раз устраивала нам корпоративы в загородном отеле.

Там был фуршетный стол, но большинство сотрудников, и я в их числе, набирали еды на тарелку, искали свободный плед и валялись на газоне. Причём мы даже почти не общались, на работе нам этого хватало с избытком.

Я совсем не подумала, что здесь всё наоборот. Людям не хватает общения. Они слишком далеко друг от друга. У них

нет телефонов и мессенджеров, чтобы оставаться на связи с утра до вечера. Для этого им приходится ехать несколько километров в соседнюю усадьбу.

И что мне теперь делать? Как всё исправить?

Надо отвлечь гостей и накрыть стол на террасе. Теперь я с очевидной ясностью осознавала правоту ключницы. Там и свежий воздух, и удобный стол для дам любых габаритов.

Но как это устроить?

Я огляделась. Как назло, в зоне видимости никого не было. Только Феклуша выглядывала из-за угла дома, рассматривая гостей. Это не тот посыльный, которого я ждала. Однако выбора у меня не оставалось.

Если не успеет или забудет, значит, придётся сидеть на траве. Пусть меня считают дурочкой. В конце концов, я упала с лошади. После такого нечему удивляться.

Сюда Феклушу звать нельзя, слишком много ушей рядом.

– Прошу прощения, я на секундочку, – вежливо улыбнулась гостям и с прямой спиной пошла к углу дома, одновременно подзывая горничную жестом.

Но Фёкла не была бы собой, если бы сразу поняла, чего я хочу. Вместо этого она испугалась и спряталась за высокий куст, покрытый нежными листочками, слишком маленькими, чтобы скрыть человека.

– Феклуша, – я подошла к кусту.

Горничная попятилась. Я сделала шаг к ней, она попятилась снова. Как ребёнок, ей-богу.

– Феклуша, я тебя вижу, иди сюда! – зашипела я.

А мысленно уже простилась со своей репутацией. После этого пикника какая разница будет между мной и Фёклой? Для Пульхерии Андреевны так точно никакой.

Горничная вышла из-за куста. Улыбка на её лице говорила, что кому-то нравится играть в прятки.

– Вы меня звали, барышня? – спросила она с лукавством во взгляде.

Нет, ничего не выйдет. Просьба слишком сложная. Я напомнила себе, что другого варианта у меня нет. Придётся довериться Феклуше и готовиться к позору.

– Слушай меня внимательно, – я схватила её за плечи, чтобы точно дошло, и быстро заговорила: – Беги к Дарье, она в парке, на лужайке, где в прошлом году две ветки во время грозы сломало. Скажи, что я не права была, надо стол на террасе накрыть. И быстро. Я отвлеку гостей, но минут на пять, не больше. Справишься?

Сама я в это не верила. Слишком сложно для моей горничной, а как объяснить проще, я не знала.

– Справлюсь, барышня, не извольте беспокоиться, – улыбнулась Феклуша.

– Тогда давай бегом! – велела я и вздохнула, наблюдая, как она скрывается за углом дома.

Ладно, будь что будет. Я вернулась к папеньке и соседям.

– Ну что, хозяйюшка, за стол можно садиться? Гостям нашим с дороги перекусить надобно.

Осип Януарьевич глядел на меня с гордостью. Он был уверен, что его Софьюшка устроила всё лучшим образом. Вот сюрприз папеньке будет. И остальным тоже.

– Дорогие гости, я очень рада, что вы приехали навестить нас с папенькой, – улыбнулась всем по очереди, даже Сергею Пафнутьевичу, чтобы потянуть время. – Вы все уже знаете, что Розочка сбросила меня, и я потеряла память. Не всё, но большую часть.

Михайло Кузьмич поддакнул, его супруга закачала головой. Пульхерия Андреевна коснулась глаз кружевным платочком, будто плакала от жалости. Девочки за спиной матери о чём-то перешёптывались. Только Хмелёв не двигался, пристально глядя на меня.

Аж мурашки по спине побежали от этого взгляда.

Поэтому я стала смотреть на Зинаиду Ильиничну. От неё подвоха не ждала, можно было не следить за выражением лица и обдумывать слова. Потому что речь я не готовила.

– Надеюсь, вы не обидитесь, если я не вспомню наше общее прошлое, и где-то ошибусь, – например, устрою пикник на траве. – Сейчас я знакомлюсь со всеми вами словно бы заново. И не только с вами, с собой тоже и с папенькой, и с нашей усадьбой. Каждый день я совершаю много чудных открытий. Недавно я нашла таинственное и удивительное место, хочу вам его показать. Если вы не против. Это совсем рядом.

– Софьюшка, – Осип Януарьевич растрогался и всхлип-

нул. – Ты нашла новое место. Как это прекрасно. Конечно, идём.

Остальные не испытывали восторга от моего предложения. Однако двинулись следом. Деваться было некуда, не пойдёшь же искать угощение в отсутствие хозяев.

Я повела их вдоль парадной части дома, по пути придумывая, что бы показать, чтоб сразу и удивительно, и таинственно. Вот дёрнул же кто меня за язык, такое сказануть.

Мы прошли мимо розовых кустов, которые ещё не распустились, мимо куртин и клумб. Я всё думала.

Дом уже закончился. Справа пошли хозяйственные службы. Влево – парк. А впереди... Точно, придумала!

На радостях я даже прибавила шагу. Папенька с гостями едва успевали за мной.

Я зашла в тень старой еловой аллеи. Она осталась от самой первой усадьбы, устроенной на этом месте прапрадедом Софьи, Вениамином Белявским. Аллея заканчивалась у Чёрного пруда, как его называли за тёмную воду.

Здесь, в верхушках столетних елей и соседствующих с ними лесных сосен гнездились белые цапли. Они не так давно прилетели и вовсю обустраивались.

Я остановилась и указала на летящую над нами цаплю.

– Прилетели.

– Какая прелесть, – Зинаида Ильинична всплеснула руками.

– Действительно, – без малейшего интереса подтверди-

ла Пульхерия Андреевна. Её дочери проследили за полётом птицы, а затем снова зашептались.

– Очень романтично, Софья Осиповна, – сообщил Хмельёв, взгляда которого я старалась избегать.

– Прекрасно! – резюмировал доктор, добавляя: – Ну а теперь пошли за стол.

– Да, конечно, – я повела гостей к террасе, но теперь шла медленно, раздумывая про себя, прошли пять минут или нет.

А ещё – сумела Феклуша донести мою просьбу, или мне придётся оправдываться за идею с пикником на траве.

Сердце билось всё чаще и сильнее. Но, стоило подойти к дому, я увидела на террасе людей, и меня затопило облегчение.

Молодец Феклуша! Справилась. Зря я в неё не верила. Может, это голубая лента так подействовала? Вселила в мою горничную уверенность в себе.

Над террасой даже тент натянули, чтобы майское солнце не портило нежные женские лица загаром. И чтобы в тарелки ничего лишнего не попало. Конечно, всё, что падает сверху – это либо белок, либо витамины, либо минералы. Но нужно быть очень усталым и голодным походником, чтобы не обращаться внимания и продолжать жевать, когда что-то у тебя во рту испуганно шевелит лапками.

То ещё удовольствие!

Те, кто бывал в походах, меня поймут.

Когда мы подошли, по тарелкам разливали первое. Я для

пикника суп не заказывала, значит, это инициатива Анфисы или Дарьи. Надо будет поблагодарить, а потом сделать выговор, что сговорились у меня за спиной. Мягкий, аккуратный выговор, чтоб не передумали спасать в следующий раз.

Боюсь, не зная до мелочей реалий этого времени, я ещё не раз попаду в неловкую ситуацию.

Гости столу обрадовались, а запаху еды ещё больше. Все аппетит нагуляли, пока смотрели цапель. Рассаживались в свободном порядке, кто куда хотел. Я поняла, что это тоже мой промах, когда Сергей Пафнутьевич опустился в кресло рядом со мной.

Скрипеть зубами было поздно, как и пересаживаться – выйдет неприлично. Пришлось делать вид, что это соседство меня никак не напрягает.

– Кушайте, гости дорогие. Уж Софьюшка постаралась на славу, организовала нам обед – пригласил папенька к трапезе, приписав мне чужие заслуги.

Я нашла взглядом Дарью, кивнула ей и беззвучно прошептала «спасибо». Ключница наклонила голову, уголки её строгих губ дрогнули в улыбке.

Суп оказался холодным. Не успев удивиться, я вдруг поняла, что это окрошка. Совсем не похожая на привычную мне, но довольно вкусная. Я узнала обжаренные кусочки курицы, свинины и, кажется, утки, ещё солёные огурцы и сливы, репчатый лук и квас. Возможно, Анфиса добавляла что-то ещё, потом уточню.

Вкус у крошки был кисленький и освежающий.

Потом принесли гречневую кашу с потрошками, которую закусывали пирожками с кислой капустой. В свободном доступе на столе стояли миски с соленьями, в них наша кухарка была диво как хороша. Блюда с тонко нарезанной ветчиной и ростбифом. Первый тепличный редис, огурчики и зелень.

Обед и правда удался.

Сытая и довольная, я собиралась ускользнуть из-за стола, потому что Сергей Пафнутьевич хоть и не делал ничего предосудительного, само его близкое, слишком близкое присутствие меня напрягало. Хотелось отсесть подальше.

Но тут Анфиса принесла пирог. Тот самый, «цветаевский», который мы с ней обсуждали.

– По рецепту нашей барышни, – сообщила кухарка Осипу Януарьевичу.

– Софьюшка, душа моя, ты занялась кулинарией? – удивился и обрадовался папенька.

Его радовали любые мои увлечения.

– Ты сама придумываешь рецепты? – поинтересовалась Зинаида Ильинична.

– В журналах вычитывает, – выдвинула свою версию Пульхерия Андреевна, не позволив мне ответить.

– Или в книгах, – поддакнула вдруг одна из её дочерей, отчего вторая тихо захихикала, прикрываясь платочком.

– Весьма недурственно, – вдруг заметил Сергей Пафнутьевич, попробовав пирог. – Мы, мужчины, любим сладкие

печёности, хоть и не признаёмся в этом. Особенно, когда оно приготовлено руками твоей женщины.

Вроде бы и похвала, но у меня от неё мурашки по спине побежали. Не нравится мне этот Хмелёв, и смотрит он на меня с алчным интересом, из-за которого не нравится ещё больше.

После сытного обеда гости разбрелись по парку. Предложение заняться чем-нибудь активным вызвало интерес только у девиц Кретовых. Я думала к ним присоединиться и по очереди играть в бадминтон. Однако меня перехватил Сергей Пафнутьевич.

– Не откажетесь прогуляться со мной, Софья Осиповна, – спросил он.

Я бы и отказалась, но Хмелёв ожидал ответа уже с подставленным локтем. Да и все на нас смотрели. А сёстры Кретовы схватили по ракетке, мне не досталось. Причин для отказа больше не было.

И я приняла предложенную руку.

Сергей Пафнутьевич собственнически прижал мою ладонь к своему боку, будто ожидал, что попытаюсь сбежать. И сразу свернул на боковую аллею, подальше от остальных.

Да, фактически мы с ним не оставались наедине – наши фигуры просматривались сквозь стволы деревьев. Но говорить можно было, что угодно, слов здесь никто не услышит.

– Вы играете со мной, Софья Осиповна? – без предисловий начал он.

– В каком смысле? – до конца я не понимала, к чему он ведёт, но заранее напряглась.

– Вы то бросаетесь на меня, как дикая кошка, то нарочито холодны. То скромно потупите глазки, то обжигаете взглядом. Я разгадал ваши намёки, Софья Осиповна.

Он резко остановился. Взял мою ладонь, перевернул и поднёс к губам, прижав их к тому месту на запястье, где заполошно бился пульс. Я попыталась вырваться, но не вышло.

Убеждала себя не паниковать. Он не станет набрасываться на меня, когда нас могут увидеть в любой момент. Не станет ведь? Только если это не план, скомпрометировать девушку. Но зачем это Хмелёву? Он что, собирается на мне жениться? Ой, мамочки, только не это!

Я снова дёрнула ладонь. Наконец мне удалось освободиться.

– Никаких намёков, Сергей Пафнутьевич, – заявила я, отойдя на несколько шагов. – Мне не нравятся агрессивные мужчины, прибегающие к насилию против тех, кто слабее.

– Ты подчинишься мне, дикая кошечка, и будешь мурлыкать в моих руках, – пообещал он так, что меня передёрнуло.

Я отрицательно покачала головой и пошла прочь. Подальше от него. Стараясь не слушать смех, раздавшийся за спиной.

Глава 6

Нет, ну каков мерзавец! Ведёт себя, будто имеет на это право. Меня снова передёрнуло от отвращения, стоило вспомнить о его прикосновениях. Ненавижу таких самоуверенных мужланов.

– Ты будешь мурлыкать в моих руках, – передразнила его, скорчив гримасу.

Ага, сейчас, бегу – волосы назад. Будь я женщиной, заехала бы ему по самодовольной роже. С большим удовольствием.

Меня охватила злость. Я раздражённо прошагала до конца парка и вышла к озеру. Постояла на берегу, стараясь успокоиться. Несмотря на мирную картину, меня продолжало трясти.

О возвращении к гостям не шло и речи. Я не смогу глядеть на этого мерзавца. А то и вовсе плюну ему в лицо.

Обернувшись, убедилась, что поблизости никого нет. Сняла туфли и чулки, которые пришлось носить, несмотря на тёплый день. Ступила на влажный песок. Пошевелила пальцами, позволяя погрузиться глубже. Затем зашла по щиколотки. Вода оказалась ледяной даже у берега.

Но я не стала выходить. Холод привёл меня в чувство. Если бы не посторонние в усадьбе, наверное, рискнула б искупаться где-нибудь подальше, чтоб никто из прислуги не уви-

дел.

А так, подхватила туфли с чулками в одну руку, другой – подняла подол, чтобы не вымок, и побрела по мелководью.

Вскоре очищенная часть закончилась. Заросли камыша и рогоза заставили меня выйти на берег. Однако возвращаться я не стала. Тем более вдоль озера шла узкая тропинка.

Погуляю полчаса, тогда пойду обратно. А то и правда не сдержусь, устрою скандал при всех. Надо успокоиться и обдумать, что скажу папеньке. Он должен отказать Хмелёву от дома. Я не желаю его больше видеть.

Никогда.

Тропинка словно бы сама собой стелилась под мои ноги. Так приятно идти босиком. Трава щекотала кожу. Пригревало послеобеденное солнце. Я подставляла ему лицо, не пугаясь веснушек, которые обязательно появятся на носу уже утром.

Незаметно оказалась на другом берегу. Отсюда до холма, где расположилась усадьба Высоты, было рукой подать.

Я обернулась. Из-за высокого камыша едва виднелись верхушки деревьев белявского парка. А там, кажется, крыша беседки. Но точно не разглядеть.

Вот если подняться на холм, наверняка всё будет видно. Папенька, конечно, не велел, но сейчас он занят гостями. Я быстренько посмотрю на нашу усадьбу и домой. Может, ещё даже разъехаться не успеют.

На мгновение мелькнула мысль о жутком хозяине Высот,

добавив мне решимости. Надо пойти, пока его нет, вдруг надумает вернуться – тогда уже точно не решусь.

Тропинка на этом берегу стала почти не различимой, сразу видно, что не пользуются. Зато трава вымахала, доставая до середины голени.

Мне следовало обуться, но озёрный песок никак не желал стряхиваться со ступней. Сама мысль, что придётся надеть чулки на грязные ноги, вызывала отвращение. Может, наверху найдётся водоём, там и приведу себя в порядок, чтоб назад идти уже приличной барышней.

Подобраться к холму оказалось не так просто. Высокая трава перемежалась кустарниками. Босой тут не пройти. Да и наряд мой не приспособлен для преодоления препятствий. Сейчас бы кроссовки или походные ботинки на толстой подошве.

Я посмотрела на непролазные дебри и вздохнула. Папёнка мог бы и не запрещать походы в заброшенную усадьбу, мне туда всё равно не попасть. Придётся поворачивать назад.

Однако я не успела сделать и нескольких шагов. Ступню пронзило жгучей болью. Я вскрикнула и поджала под себя ногу. Пальцы нащупали занозу – острый кусочек щепки или ракушки. Слишком маленький, чтобы вытащить на ощупь, но стоило ступить на ногу, осколок впился глубже, причиняя ещё большую боль.

– Чтоб тебя! – выругалась я, втянув воздух сквозь зубы.

Как неудачно вышло. Ладно бы полезла в дебри, но я ведь

уже повернула назад.

Надо было послушать папеньку и вообще в эту сторону не ходить!

И что теперь делать?

Кругом – высокая трава и заросли камыша, ни бревна, ни камня, чтобы сесть и осмотреть рану. И платье как назло светлое. Сразу будет видно, если испачкаю.

Ругаясь сквозь зубы, я задрала подол и села на сорочку. Если что, велю Феклуше молчать. Сорочку тоже пришлось поднимать, иначе нога не сгибалась. В общем, ситуация выдалась самая что ни на есть двусмысленная.

Хорошо, что никого нет. Конфуз вышел бы знатный. Стоило так подумать, я услышала шелест и хруст травы под чьими-то ногами.

Только бы не Сергей Пафнутьевич!

Позабыв о чистоте платья, я начала подниматься. Надо прятаться, убежать не успею. На ногу невозможно ступить.

Я заметалась, пытаюсь сообразить, где можно укрыться. И тут в камышах показался силуэт. Он двигался со стороны Высот, значит, это не Хмелёв. Я сразу успокоилась и осталась стоять, опершись на пятку.

Туфли с чулками спрятала за спину. Скорее всего, это какой-нибудь крестьянин или крестьянка, сейчас пройдёт мимо, попробую ещё раз вытащить занозу.

Через несколько секунд из камышей вышел мужчина. В крестьянской одежде, лаптях, но с короткой стрижкой и вы-

бритым лицом. Видно, подражал благородным.

– Не пугайтесь, барышня, – увидев меня, он выставил перед собой ладони, – я ваш крик услышал. Что стряслось?

Я задумалась. Если б это был дворянин, мне оставалось только улыбаться и рассказывать, как всё прекрасно. А ему – делать вид, что не заметил моих босых ног, без следа туфель и чулок. Попроси я его помочь с занозой, от моей репутации останутся только рожки да ножки. Ему только стоило бы заикнуться, что касался моей ноги.

Но простого человека можно попросить о помощи. Тем более что он сам её предложил. Подумав и оценив риски, я призналась.

– В ногу что-то воткнулось. Очень больно.

– Позвольте взглянуть? – вежливо спросил он.

Когда незнакомец повернулся, я заметила на правой скуле старый шрам с неровными краями, он шёл над ухом и терялся в волосах. Я опустила взгляд, не желая пялиться.

Заколебалась. Всё же незнакомый человек. Да и этот рубец может быть от пули. Где он её получил? Не на лесной ли дороге, грабя путешественников?

– Я буду предельно осторожен, – пообещал он.

И я кивнула, чтобы не поощрять свои глупые фантазии. Его уважительное отношение внушало доверие. Да и выбора у меня особо не было. Нет, конечно, можно ковылять домой, опираясь на пятку, или ползком. Однако я решила принять помощь и избавиться от занозы.

– Только тут сесть негде, – пожаловалась я, понимая, что ни в коем случае не повторю свои кульбиты с задиранием подола при незнакомце.

– Это ничего, если не побрезгуете, барышня, то вот, – он снял жилетку, надетую поверх рубахи, – постелю?

Интонация была вопросительной. Я кивнула, пусть стелет. Осторожно опустилась, стараясь не оголять больше необходимого. Но мужчина оказался порядочным, пока я усаживалась, он любовался озёрной гладью, скрывавшейся за густыми зарослями камыша.

– Какая нога? – поинтересовался он, когда я заняла стратегическую позицию, аккуратно расправив подол платья и прижав его ногами. Мало ли, ветер поднимется.

– Левая.

Мужчина опустился на колени, безошибочно выбрал левую ногу и приступил к осмотру. Надо же, а Фёкла моя постоянно право-лево путает. Видимо, этот вроде Антипки, тоже в барской школе учился.

Я задумалась о том, что это похвальная инициатива. Крестьяне должны уметь читать, писать, считать и обладать основными знаниями об обустройстве мира. Это базовый минимум, необходимый каждому человеку. Вот и моя предшественница это понимала.

– Ай! – вскрикнула я от острой боли.

Незнакомец с довольным видом продемонстрировал тонкий и острый шип.

– Что это? – не поняла я.

– Кусочек раковины перловицы, – пояснил он. – Их иногда на костре запекают и едят. А после нагревания ракушка становится хрупкой и очень острой. Вам ещё повезло, что внутри не обломалась.

Он нажал подушечкой большого пальца мне на ступню.

– Не больно?

Я покачала головой.

– А так?

– Тоже нет, – я улыбнулась, радуясь, что всё позади, и можно наконец отправляться домой.

– Подождите, воды принесу, – незнакомец словно бы прочитал мои мысли, – надо промыть сперва. Вдруг что попасть в рану могло, вы ж босая шли.

– Промыть? – удивилась я.

Даже не столько тому, что крестьянин наслышан о гигиене. Об этом я в тот момент не подумала. Зато заметила отсутствие тары. В чём он собирается нести воду?

– Одну минуту, я сейчас вернусь, – пообещал незнакомец и бросился обратно в заросли камыша.

В ладонях, что ли, носить будет? Из озера? Я бы на это посмотрела.

Однако мужчина вскоре вернулся с металлической флягой.

– Хотите пить? – предложил сначала мне.

Я хотела. Фляга оказалась тяжелой, явно не алюми-

евая.

– Из чего она сделана? – поинтересовалась у незнакомца, берясь за неё обеими руками.

– Из лужёной жести, – ответил он, взглянув на меня с интересом.

Я сделала глоток. Вода была холоднющей и вкусной. Не озёрная, из колодца или родника.

Когда мужчина начал смывать песок с моих ног, я поёжилась. Ступни словно заledenели, зато боль совсем исчезла. По крайней мере, я её больше не чувствовала.

Он ещё вытер мне ноги подолом длинной крестьянской рубахи. Я обратила внимание, что его прикосновения становятся всё осторожнее, бережнее. Закончив, незнакомец достал из кармана штанов белоснежный платок, сложил его по диагонали и обернул мою ступню.

– Вот и всё, – подытожил он, завязав узелок. – Я отойду, пока вы одеваетесь, а затем провожу вас до дому. Если позволите.

– Хорошо.

Наверное, не стоило соглашаться, но незнакомец мне понравился. Да, Софья Белявская никогда б и не взглянула на крестьянина, сколь интересным и образованным он бы ни был. Однако я пришла из двадцать первого века, когда классовые и сословные различия давно растворились, канув в Лету.

Мужчина действительно отошёл и отвернулся, снова лю-

буясь камышами. А я натянула чулки, сунула ноги в туфли и поднялась. Ну, если сильно не приглядываться, можно и не заметить, что левая нога толще правой. Да и подол мельтешит при ходьбе, закрывать будет.

В общем, есть шанс избежать внимания папеньки к моей ране и допроса с пристрастием.

Я собралась окликнуть незнакомца и задумалась, как это сделать. Надо было спросить имя. Он ведь помог мне.

К дворянину я бы обратилась «сударь», а к крестьянину? В голове шелестели страницами многотомные собрания сочинений русских классиков. Однако ничего кроме «Эй, любезный!» не вспоминалось.

Вежливо это или не особо? Мне не хотелось быть с ним грубой.

В конце концов, я демонстративно покашляла. Пришлось повторить, чтобы он обернулся.

– Я так и не поблагодарила за помощь. Скажи, как тебя зовут?

А вот на «вы» обращаться к простым людям нельзя. От этого я ещё в первые дни отучилась. После того, как на меня начали смотреть с ужасом, едва не крестились.

– Пётр, – губы незнакомца разошлись в стороны.

Показалось, он усмехнулся. Или это из-за шрама мне видится хитрый прищур?

– Спасибо, Пётр, – я автоматически протянула руку для пожатия.

Он посмотрел странно, но ладонь принял, а потом вдруг осторожно повернул тыльной стороной вверх и наклонился, коснувшись её губами.

Я тихо ахнула от неожиданности и отняла руку. Однако возмущаться не стала. Сама виновата, забылась. Какое рукопожатие в девятнадцатом веке, да ещё и барышни с крестьянином?

Но прикосновение его губ всё ещё обжигало кожу. Неожиданно я смутилась и пошла вперёд, чтобы скрыть выражение своего лица.

Что это на меня нашло? Подумаешь, мужик проявил почтение к госпоже. Я не знала всех крепостных, принадлежащих папеньке. Может, этот из их числа. Он просто не может мне нравиться.

Я прибавила шагу, чувствуя, как возвращается боль в ранке от занозы. Ничего, доберусь до дома, присяду или даже прилягу, если гости уехали.

Пётр молча следовал за мной. Не напоминал о себе, не окликал, ничего не спрашивал. В общем, вёл себя как образцовый крестьянин с барышней из высшего сословия.

Мне стало противно от таких мыслей. В двадцать первом веке я бы написала ему свой номер и даже не задумалась о его происхождении.

На границе скошенной травы я остановилась и обернулась к нему.

– Благодарю, дальше провожать не стоит, я уже дома.

– Как прикажете, барышня, – он поклонился мне в пояс.

Показалось, что на лице снова мелькнула ухмылка. Но вряд ли, скорее, это из-за шрама так кажется.

Я ушла, не оглядываясь, испытывая досаду на себя, Петра и вообще всю эту ситуацию.

Надо было слушать папеньку и не ходить к Высотам!

Гости не оправдали моих надежд и ещё не уехали. Все сидели на террасе. Егорий раздувал самовар, собирались пить чай.

– Софья, – папенька заметил меня первым, – ты куда попала?

Голос у него был недовольным. Точно, я бросила гостей.

– Поднималась на беседку, – я подошла и приобняла Осипа Януарьевича за плечи. – Смотрела, можно ли там выпить чаю.

– На беседке? – папенька оценил мысль.

– На втором ярусе, – подтвердила я.

– Ну ты затейница, Софьюшка! – недовольство ушло из голоса. – Егорий, вели чай накрывать в беседке наверху.

– И что такого в той беседке? – делано равнодушным голосом поинтересовалась Пульхерия Андреевна.

– Семейная драма, – радостно сообщила я. – Папенька вам всё расскажет, но нужно находиться прямо там, иначе эффект не тот будет.

– Как интересно! – воскликнула Зинаида Ильинична.

– Действительно, любопытно, – поддержал её супруг. –

Осип Януарьевич, я и не знал, что у вас есть семейная драма.

— О, ещё какая, — разулыбался папенька, — но не торопите, придёт время, всё вам расскажу.

В ожидании беседа перешла на прогнозы погоды и будущий урожай. Расслабившись, я ненароком глянула на Хмелёва и тут же отвернулась. Сергей Пафнутьевич сверлил меня взглядом, поймав мой, он ухмыльнулся. Вот это точно ухмылка, тут уже нет никакого сомнения.

Скорей бы все разъехались, надоело сохранять лицо.

Наконец Егорий сообщил, что стол в беседке накрыт, самовар закипел. Мы дружно отправились к озеру. Я взяла папеньку под руку, чтобы Хмелёву не вздумалось снова провернуть свой финт. Ему пришлось предложить руку Пульхерии Андреевны. Меня порадовало каменное выражение на его лице. Зато Кретьова засияла. За спиной я слышала её щебет. И легко представляла, как Сергей Пафнутьевич скрипит зубами, вежливо отвечая ей.

Беседка как раз вмещала восьмерых. Будь нас чуть больше, стало бы тесно. А так в углу поместился даже маленький столик для самовара.

Я намеренно села рядом с Пульхерией Андреевной, уверенная, что Хмелёв постарается держаться от неё подальше, и не прогадала. По другую сторону от меня уже опустился Михаил Кузьмич, потом его супруга. Сергею Пафнутьевичу досталось место за ней, а папенька развлекал девиц Кретьовых.

Я бросила взгляд на озеро. Вдруг показалось, что на другом берегу, за камышами я вижу одинокую фигуру. Моргнула, и всё исчезло. Померещилось. Я даже почувствовала укол разочарования.

Осип Януарьевич рассказывал о двух усадьбах по разным берегам озера. В этот раз у истории появилось больше подробностей, я подозревала, что и мне досталась раскрашенная версия.

Пульхерия Андреевна сидела, насупившись. Ей не нравилось соседство со мной. А взгляды, то и дело бросаемые на Хмелёва, объясняли неприязнь. Ведь он смотрел на меня.

Мне в голову пришла идея. Чем больше я о ней думала, тем больше понимала – идея шикарная. Если получится, Сергею Пафнутьевичу будет не до меня.

– Пульхерия Андреевна, – обратилась к ней, пользуясь тем, что остальные увлечены рассказом папеньки, – я заметила, как господин Хмелёв смотрит на вас. Прямо глаз не сводит.

– Что? – она обернулась ко мне, кинув при этом быстрый взгляд на Пафнутьевича.

Он действительно смотрел в нашу сторону, но тут же отвернулся к озеру.

– Видите, – зашептала я, – смотрит. А как вы на него поглядите, сразу делает вид, что не смотрит. Он уже сделал вам предложение? А то я всё забыла.

– Нет, не сделал, – теперь Кретьова не отрывала от меня

взгляда.

Будто пыталась понять, серьёзно я говорю или смеюсь над ней. Ведь Хмелёв уходил гулять со мной, да и сидел за обедом рядом. Однако ягнула свою линию, причём совершенно искренне.

– Мне кажется, он думает, что не нравится вам, Пульхерия Андреевна.

– Да? Сергей Пафнутьевич что-то говорил тебе?

– Не говорил, но я, как память потеряла, по-новому на всё смотрю и замечаю то, чего раньше не видела.

Внимание Кретовой полностью принадлежало мне.

– Может, вам не нужно стесняться? Самой проявить инициативу. А то, видите, совсем он загрустил. Мужчины не любят быть одинокими. У папеньки есть я, а Сергей Пафнутьевич один.

Лицо Пульхерии Андреевны отражало активную работу мысли. Там уже строились планы завоевания крепости, которая ещё даже не подозревала, что её готовятся брать штурмом.

Надеюсь, я правильно оценила Кретову, и этот боевой таран не даст Сергею Пафнутьевичу спать спокойно.

К вечеру все разъехались. Мы с папенькой стояли у крыльца и махали им ручкой.

– Ты у меня умница, Софьюшка, прекрасно всё устроила, гостей приняла, а с чаем в беседке как здорово придумала!
– Осип Януарьевич приобнял меня и поцеловал в макушку.

Я уже хотела заговорить о Хмелёве, как он добавил:

– Устал я, доченька. Гости – это хорошо, но больно хлопотно. Пораньше лягу сегодня.

Я тоже отправилась в свою комнату. Феклуша ждала меня, чтобы помочь раздеться. Сколько бы я ни повторяла, что хочу одеваться сама, горничная кивала, соглашалась, но всё равно приходила помочь.

Я устала спорить, повернулась к ней спиной, чтобы расстегнула пуговицы. Всё равно самой это выходило затруднительно.

– Что говорят на кухне? – спросила я, уверенная, что Фёкла собрала все последние сплетни.

– Говорят, барышня чудила сегодня, хотела на траве гостей разложить. Хорошо, вовремя спохватилась, а то сраму б вышло.

Так и знала, что будут перемывать мне кости из-за этой ошибки.

– Папеньке жаловаться не собирались?

– Не-е, – горничная махнула рукой. – Все думают, пущай барышня чудит, лишь бы здоровенькая была.

– А ещё что?

– Егорий слыхал, как Сергей Пафнутич к нашему Осипу Январичу пошептаться собирался.

– Пошептаться? – я почувствовала, как по спине вниз пробежали холодные мурашки. – И что же, долго они шептались?

– Да не вышло у Пафнутича, папеньку вашего уже Пульхерия Андревна ангажировала. Просила саженцев новинки евоной, которую о прошлом годе в землю совать велел.

– Это что за новинка? – не поняла я.

– Да плоды эти жуткие земляные, не к ночи будь помянуты, – Феклуша быстро перекрестилась, – как головы человекам закопаны.

Мне потребовалось время, чтобы сообразить. А потом я как поняла.

– Ты о картофеле, что ли? У нас есть картошка?

– Есть, – вздохнула Феклуша, – куды её девать только. Так и лежит в погребе. Батюшка ваш сажать-то велел, а кушать бояться.

– Феклуша! Это отличная новость! Спасибо! – на радостях я её обняла.

У нас есть картошка!

Оставшись одна, я сняла платье с сорочкой, чулки и развязала платок. На нём осталась капелька крови. Я развернула ткань и увидела вышитые в углу инициалы. «П.А.В».

Откуда у Петра этот платок? Да, одна буква совпадает, но разве крестьяне вышивают свои имена? И тут до меня дошло – девушка! Она вышила его инициалы на платке и подарила ему. Изнутри обожгло чем-то, похожим на ревность. Я отмахнулась. Глупости, и видела-то человека один раз.

Он помог, я поблагодарила – и разошлись каждый своей дорогой.

И вообще, мне нет дела до женщин, которые вышивают ему платки. А вдруг он женат? Эта мысль оказалась ещё более неприятной. Исключительно потому, что мне стало обидно за эту женщину! Она любимому мужу вышила платок, а он отдал его первой попавшейся девице. И не пожалел.

Я скомкала платок, бросила в угол и приступила к омо-вению. По моей просьбе каждый вечер в ванной ждало ведро тёплой воды. Феклуша предупреждала, что нельзя мыться так часто – здоровье с себя смоешь. Мол, нормальные люди ходят раз в неделю в баню, а на барышню какая-то блажь нашла.

Я напоминала, что с лошади упала и головой стукнулась, теперь могу блажить, сколько мне угодно. Каждый раз срабатывало. Опровергнуть этот аргумент горничная даже не пыталась.

Вымывшись, я надела чистую сорочку и забралась в постель. Мне снился Пётр, сажавший картошку. А вдоль поля на расстеленных покрывалах для пикника сидело с десятков девушек, которые вышивали инициалы на платках.

К счастью, к утру этот сюрреализм позабылся. Зато новость о картошке прочно засела в голове.

Проснулась я рано и сразу, прямо в халате, отправилась в кухню. Там уже всё кипело и парило, хотя до завтрака было ещё часа полтора.

– Анфисочка, миленькая, доброе утро, я пришла поблагодарить за вчерашнее. Всё было чудесно и очень вкусно. И

за крошку отдельное спасибо.

– Пустое, барышня, – кухарка отмахнулась, но просияла от похвалы. – Что вы так раненько, завтрак не поспел ещё. Кашка только на плите доходит. Наложить маленько?

– Нет, спасибо, я с папенькой позже позавтракаю. Сейчас спросить хотела. Правда, что у нас картошка есть? – и на всякий случай пояснила: – Которую из земли выкапывают, а она на человеческую голову похожа.

– Царица небесная, защити от напастей, – забормотала Анфиса и, повернувшись к образам, перекрестилась. – Зачем вам пакость эта надобна?

– Анфисочка, это не пакость, это очень-очень вкусно, уверяю тебя. Я могу показать, как это готовить. Обещаю, тебе понравится. И папеньке тоже.

– А вы откуда знаете? – удивилась она.

– В журнале вычитала, только рассказать не успела. Розочка меня скинула, – я уже так привыкла валить на падение с лошади все, связанные со мной странности, что даже не считала это ложью.

– Ладно, коли хотите, пошлю Антипку в погреб, – согласилась она.

– Прекрасно! – настроение сразу поднялось. – Я зайду перед обедом, пожарим картошечки.

Собралась уже бежать, умываться и одеваться к завтраку, но Анфиса меня остановила.

– Софья Осиповна, благодарствую, что за Антипку моего

вступились, но лучше б вам соседу нашему не перечить. Про него разное говорят, да все сходятся, что больно жесток он с теми, кто перечит.

– Спасибо за предупреждение, Анфиса, но до меня ему не дотянуться. – Я улыбнулась, вспомнив вчерашнюю каверзу. – И вообще, говорят, за него Пульхерия Андреевна взялась. А она мягкая только с виду.

– Ох, барышня, ваши б слова да богу в уши, – покачала головой кухарка.

Но я не хотела слушать мрачные предупреждения таким чудесным утром и убежала одеваться к завтраку.

Папеньку я не стала радовать раньше времени, чтоб тоже креститься не начал при упоминании картошки. Пусть сначала попробует, а потом уже делает выводы.

Однако Осип Януарьевич за завтраком был рассеян. Он почти не говорил, а поев, поцеловал меня в макушку и закрылся в своём кабинете.

Я решила, что у него могут быть проблемы. Но делиться ими со мной папенька не собирался. Ну конечно, ведь женщинам дана голова, только чтобы носить шляпку. Исключительно по этой причине. Думать ею мы, разумеется, не умеем.

Ладно, не буду лезть. Справлялся же он как-то без моего участия всё это время. Если увижу, что сильно переживает, предложу поделиться. После падения с Розочки я стала во многом разбираться не хуже мужчин.

А пока надела шляпку на свою умную голову и отправилась гулять.

Глава 7

Ноги сами несли меня к озеру. На этот раз я не стала разуваться, побродила по кромке воды, то и дело поглядывая на другой берег. Разумеется, идти туда я не собиралась. У меня не было ни одной причины, чтобы совершить подобную глупость снова.

Так и ходила туда и обратно, пока мне не показалось, что по ту сторону озера тоже кто-то ходит. Я побежала к беседке, взлетела на второй этаж. И долго вглядывалась в происходящее на том берегу. Даже максимально высунулась из беседки, держась за перила.

Но разглядеть, что там происходит, всё равно не могла. То ли видела движущуюся фигуру, то ли солнце игралось со мной, пуская в глаза сияющих «зайчиков».

Досадуя на себя за столь слабое зрение, я пнула балясину. Мне бы помог бинокль или... Точно! Подзорная труба! Ведь именно так прапрадедушки наблюдали друг за другом.

Я знала, где взять одну такую. Лишь бы она ещё работала. В прежней жизни я не сталкивалась с подзорными трубами, только видела в фильмах о пиратах. Поэтому весьма приблизительно представляла, как ею пользоваться.

И всё равно помчалась обратно в дом, на второй этаж, в библиотеку. Там, в шкафу, за стеклянной дверцей, на специальной подставке хранилась старинная подзорная труба.

По семейному преданию один из Белявских участвовал в Гангутском сражении во время Северной войны. Тогда российский флот был ещё гребным, а командовал им сам Пётр I. И эта труба была пожалована нашему предку самим императором за какой-то героический поступок, суть которого растворилась в веках. И, по словам папеньки, все родственники сходились лишь в одном – это был настоящий подвиг. Иначе, зачем Петру I награждать своего подчинённого?

Я осторожно открыла дверцу и вытащила трубу. Потёртый латунный корпус темнел царапинами. Прежде это была функциональная вещь, не хранившаяся в почёте и забвении как семейная реликвия.

Я осторожно покрутила тубусы, раздвигая их в стороны. Затем поднесла узкой частью к глазу, зажмутив второй.

Шкаф прыгнул на меня. Я вздрогнула, от неожиданности едва не выронив трубу. Всё понятно – работает, но лучше не пользоваться в тесных помещениях.

Я сжала трубу в руке и быстрым шагом, стараясь не перейти на бег, двинулась обратно в беседку. Садовники мне кланялись и возвращались к своим делам. Слуги уже привыкли, что, очнувшись, барышня стала более порывистой, словно спешила наверстать упущенные месяцы. Меня это объяснение более чем устраивало, потому что я часто забывала о степенности, присущей благородным девицам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.